

Рассмотрение социального аспекта эйфоры в работе Томсена носит слишком суммарный характер. Здесь нет детального анализа имеющихся свидетельств³⁴. Все богатые (well-to-do) оказываются в лагере олигархов и настроенными пацифистски. Игнорируется тот бесспорный факт, что состав богатых афинян был весьма неоднородным и многие из них поддерживали демократические порядки и активную внешнюю политику Афин. Наряду с уклонением от литургий и утайкой имущества, засвидетельствованы случаи, когда богатые афиняне травили на общественные нужды больше, чем от них требовало государство. Простое деление на богатых и бедных, без попытки дифференциации их, приводит к схематизму и упрощению картины политической жизни Афин и V и особенно IV в. до н. э.

Хотя Томсен в заключении и заявляет, что он разъяснил основные принципы эйфоры до и после 378/7 г. до н. э. и показал, что не следует отчаиваться при загадочных местах в античной традиции, его обширное исследование не привело к окончательному решению всех трудных вопросов и разъяснению темных мест в источниках. Нельзя считать, что все трудности уже позади. И тем не менее нельзя согласиться с уничтожающей оценкой работы датского ученого, кото-

рую дал в своей краткой рецензии Сент-Круа³⁵. Томсен не разрешил до конца поставленных наукой вопросов, многое в его гипотезах спорно или вовсе неубедительно, но его заслуга заключается в том, что он обобщил и критически рассмотрел весь имеющийся материал античных свидетельств и многочисленные теории, появившиеся в результате длительных поисков. Не соглашаясь с гипотезами Томсена, в то же время нельзя не воздать должного остроумию и находчивости автора. Невольно возникает ощущение, что он приблизил нас к решению трудной задачи. Его работа как бы подводит черту под целым большим периодом исследований, собственная его теория, при всей своей спорности, будит мысль и толкает на новые поиски. Загадки афинской эйфоры пока не решены, к этой проблеме следует возвращаться вновь и вновь. Книга Томсена, безусловно, будет полезна и интересна всем будущим исследователям афинской эйфоры и многочисленным связанным с ней вопросам истории Афин V—IV вв. до н. э.

Л. М. Глускина

³⁵ Cl. Rev., N. S., XVI, 1966, № 1, стр. 90—93. Так, например, справедливо отвергая гипотезу Томсена о 400 симмориях с timema в 15 талантов каждая, Сент-Круа безосновательно критикует его мнение о том, что метеки платили 1/6 налога. Положительная в общем оценка дается книге Томсена в краткой рец. В. Treucker, «Gnomon», 38, 1966, стр. 521—522.

JAMES DAY AND MORTIMER CHAMBERS, *Aristotle's History of Athenian Democracy*, Berkeley and Los Angeles, 1962, 219 стр. (University of California. Publications in History, vol. LXXIII)

С давних пор борются между собой две точки зрения на научное творчество Аристотеля в области истории и государствоведения. Кем был Аристотель — собирателем и истолкователем реальных фактов, строившим на основании изучения действительности свои общие выводы, или создателем априорных схем, под которые он подводил явления исторической действительности? Оба ответа нашли в науке нового времени своих защитников. Одни без колебания говорят о педанте, втискивающем все богатство реальной исторической жизни в узкие рамки теоретических построений, другие с меньшей уверенностью изображают основателя Ликее подлинным ученым, строящим свои теории на основании изу-

чения явлений природы и жизни человеческого общества.

Не избежало двойственного отношения к себе и одно из самых поздних произведений Аристотеля — его Афинская Политика. Опубликование считавшегося на протяжении веков утраченным и внезапно обретенного трактата вызвало сначала неумеренные восторги, затем разочарование, вылившееся порою в сильные (впрочем, необоснованные) нарекания.

С тех пор можно проследить в исторической и филологической науке две линии: одну — благоприятную для репутации Аристотеля как историка, другую — неблагоприятную. Представители второго направления обвиняют Аристотеля в тенденциозности, склонности к априор-

ным построениям и некритическом отношении к источникам. Рекорд на этом пути побил американские ученые Дэй и Чэмберс в книге, разбор которой посвящена настоящая рецензия.

В предисловии (стр. VII—X) Дэй и Чэмберс следующим образом определяют оригинальность своего подхода к Афинской Политике Аристотеля. До сих пор, говорят они, это произведение рассматривалось лишь как исторический компендиум, вне связи с другими произведениями Аристотеля, за исключением Политики; пришла пора заняться установлением внутренней связи Афинской Политики со всем философским и научным наследием Аристотеля.

В качестве исходного пункта для своих рассуждений Дэй и Чэмберс выдвигают положение, что для Аристотеля источниками служили главным образом истории IV в., т. е. его современники, которые не давали вразумительной истории государственного строя Афинского государства, а кроме того, не имели в своем распоряжении (как и сам Аристотель) надежных документальных данных. К материалу, извлеченному из исторических сочинений IV в., Аристотель добавил некоторые первоисточники (стихотворения Солона, списки афинских архонтов). Там, где его источники не давали ему нужных фактов, он был вынужден прибегать к собственным умозаключениям и реконструкциям. Результатом такого способа работы были: особый отбор данных, собственная обработка и аранжировка их, приспособление к определенным шаблонам, вытекавшим не из беспристрастного исследования материала, а из теорий Аристотеля.

Замечено, что Аристотель в своих трактатах Физика и Метафизика вносит в изложение теорий своих предшественников свои собственные, чуждые этим философам мысли. Нечто подобное, по мнению Дэй и Чэмберса, наблюдается и в Афинской Политике; Аристотель обычно не называет своих источников и не дает цитат из них, так что мы лишь изредка в состоянии показать, что он переделывает их слова в целях согласования данных со своими шаблонами. Существование этих шаблонов, по мнению американских авторов, обнаружить легко. Так, по теории Аристотеля, изложенной в Политике, демократия проходит в своем развитии ряд ступеней пока, наконец, не принимает того вида, какой она имела в Афинах во времена Аристотеля. Последний, как думают Дэй и Чэмберс, исходит из изучения современной ему демократии и, становясь на телеологическую точку зрения, набрасывает в Афинской Политике путь развития демократии от первых ее зародышей до полного воплощения в афинском государственном строе IV в.; в этом влияние биологических воззрений Аристотеля, которое вообще сказывается в

Политике, а особенно в книгах IV—VI. То обстоятельство, что Аристотель усматривает в Политике и в Афинской Политике одни и те же четыре разных типа демократии, авторы разбираемой книги считают убедительным доказательством априорности построения Аристотеля, которое было сначала продумано для Политики, а затем перенесено в Афинскую Политику. Спекулятивная мысль Аристотеля создала схему, под которую впоследствии сам он подгонял факты истории Афин; имевшегося материала для этого не всегда хватало, Аристотель добывал новые факты путем предположений и утилизировал их для своей схемы, не останавливаясь перед неоправданными интерпретациями. В книге приводится и пример, иллюстрирующий, на взгляд авторов, априорный подход Аристотеля к фактической стороне внутренней истории Афин. В Афинской Политике отмечается постепенный рост афинского гражданского населения по мере приближения государственного строя Афин к радикальной форме демократии. Нет основания думать, что автор Афинской Политики извлекал соответствующие данные из источников статистического характера. Откуда в таком случае черпает Аристотель свои сведения об увеличении или уменьшении гражданского населения? Ответ американских авторов: по мнению Аристотеля, изложенному в Политике, степень демократизации государственного строя прямо пропорциональна количеству гражданского населения государства; отсюда вытекает естественное заключение, что демократизация афинского государственного строя имела своей предпосылкой соответствующий рост населения. Авторы разбираемой книги приходят к заключению, что Афинская Политика представляет собой тот вид исторического сочинения, какой может быть назван «теоретической историей» (What might be called theoretical history — стр. IX).

Положения, выдвинутые в предисловии к книге, необходимо было изложить несколько подробнее, так как именно здесь авторы с особой ясностью раскрывают свои взгляды на создателя Афинской Политики как на историка. Разбором этих взглядов мы будем заниматься по ходу рассмотрения отдельных глав книги.

I глава книги, названная «Трактат», имеет своей задачей характеризовать Афинскую Политику с источниковедческой точки зрения. Авторы предупреждают читателя о том, что анализ текста, в котором не указаны источники, не может дать точных результатов. Как бы логичны и притягательны ни были полученные заключения, они никогда не исключают возможности иного подхода к тексту и иных выводов. Дэй и Чэмберс не удерживаются даже от очень рискованного за-

мечания, что никто не может предостеречь исследователя от предположения, будто Аристотель извлекал свои факты из предположительно существовавшего сочинения Фукидида об афинской конституции или из мнимых дневников Клефена, или из ряда утраченных ныне комедий. Однако, идя таким путем, мы не получим убедительных результатов. Целесообразным будет следующий путь исследования: быть экономным по части гипотез, избегать ненужных усложнений в виде допущения неизвестных утраченных источников; при объяснении извлекать нужные данные из того, что нам известно об исторических произведениях IV в.; не прибегать к предположениям, которые влекут за собой необходимость все новых и новых гипотез. Американские авторы считают признаком хорошего историко-исследовательского анализа простоту, отсутствие сложности. Они требуют, чтобы исследователь не призывал к себе на помощь формулу: «Эту ошибку Аристотель взял из своего источника» (хотя они же и допускают, что в отдельных случаях эта формула может оказаться правильной — стр. 5).

Методика исследования, примененная американскими авторами, становится совершенно ясной читателю. Спрашивается, в какой степени выдвинутые ими принципы полезны для историко-исследовательского исследования античных текстов, в частности — Афинской Политии Аристотеля.

Общие установки американских авторов легко выразить несколькими словами: нам хорошо известны все источники, какими мог пользоваться Аристотель; отсюда само собой вытекает следствие — все то, что мы не находим в известных нам или легко восстанавливаемых (пусть частично) источниках Аристотеля, принадлежит ему самому. Между тем в полном соответствии с результатами прежних исследований следовало бы сделать другой вывод: лишь немногие из источников Аристотеля хорошо нам известны; чаще те случаи, когда мы в состоянии догадаться об общем характере источника; наконец, во многих случаях осторожность требует признать, что источник нам не известен, а это обязывает нас либо высказывать наши положения как гипотетические, либо вообще воздерживаться от суждения. Авторы разбираемой книги остались глухи к мудрому предостережению Готфрида Германна помнить, что наше знание не является всеобъемлющим и что научный подход к предмету требует ясного сознания той границы, за которой простирается область неизвестного — *est quaedam etiam nesciendi ars et scientia*.

Американские авторы полагают, что повествовательные части Афинской Политии, несмотря на обилие в них документального материала и на цитаты из Солона, не являются результатом самостоя-

тельного исследовательского труда самого Аристотеля. В основе этих частей Афинской Политии лежат поздние источники, которые были во всяком случае новее Геродота и Фукидида. Естественно при этом вспомнить об Атидах. Согласно общему мнению, в распоряжении Аристотеля могли быть Атиды четырех историков: Гелланика, Клидема, Андротиона, Фанодема; Аристотель использовал Атиду Клидема и особенно Андротиона. Авторы разбираемой книги следующим образом резюмируют результаты работы своих предшественников:

1. Аристотель обнаруживает хорошее знание хронологии внутренней истории Афин (датировка по архонтам).

2. Нет надобности допускать самостоятельную работу Аристотеля в этом направлении, даты он нашел в готовом виде у аттидографов (с которыми иногда, как это и естественно, у него бывают словесные совпадения).

3. Политическая окраска Атиды Андротиона (насколько мы ее знаем), надо думать, хорошо рекомендовала эту Атиду в глазах Аристотеля (например сообщения о роли ареопага), который многое перенес из Андротиона в свою Политию.

4. Известно, что Атида Андротиона была опубликована около 340 г. и содержала восемь книг, а предшествовавшая ей Атида Клидема состояла из четырех книг; таким образом, Атида Андротиона была для Аристотеля новейшим трудом по интересовавшему его вопросу.

5. Другие историки IV в. (Ксенофонт, Феопомп, Эфор) либо вовсе не имели значения для Аристотеля, либо помогали ему в отдельных случаях. Дэй и Чэмберс не считают заслуживающими внимания рассуждения об олигархических памфлетах, которым, по мнению многих исследователей, в значительной степени следовал Аристотель в Афинской Политии. Когда Аристотель отклоняется от исторической достоверности, говорят американские авторы, тогда его исследователи сваливают вину за это на тенденциозную литературу; если же, наоборот, Аристотель обнаруживает точность, тогда принято считать, что он отвергает показания тенденциозных источников и отдает предпочтение сообщениям хороших источников.

Затем в книге ставится вопрос о способе использования Аристотелем его источников. Атидографы не писали в собственном смысле слова историю афинской конституции. Однако они давали нужный для построения такой же теории материал. При этом политические взгляды авторов Атид не могли не сказываться на их сообщениях, касавшихся изменений формы и духа конституции Афинского государства. Отметив значение отношения разных авторов к понятию «прародительская конституция», Дэй и Чэмберс

обращаются к двум вопросам, вызывавшим в IV в. горячие споры: история закона об остракизме и идентификация основателя афинской демократии.

Андротийон, предшественник Аристотеля, утверждал, что остракизм был введен в 488/7 г. и был немедленно применен к Гиппарху, сыну Харма. Аристотель приписывает введение остракизма Клисфену. Из этого разногласия американские авторы заключают, что дата введения остракизма никому не была точно известна. Андротийон не хотел приписывать Клисфену введение такой явно демократической меры, а потому он и дал свою датировку, отнеся установление остракизма к 488/7 г., когда, как ему было известно, был изгнан Гиппарх, сын Харма. Здесь наши авторы довольно непоследовательно говорят о том, что Андротийону было известно общепринятое мнение о Клисфене как инициаторе закона об остракизме (если так, то нельзя говорить, что дата установления остракизма представляла собой нечто неизвестное). Что же касается сообщения Аристотеля, то оно представляет собой будто бы его собственное или заимствованное у кого-то умозаключение. Деятельность Клисфена дала, по мнению Аристотеля (самостоятельному или заимствованному), сильный толчок к развитию демократии; вполне понятно, что именно Клисфен был инициатором закона об остракизме. Суть дела заключалась не в дате введения закона, а в общей оценке деятельности Клисфена, реформа которого одними признавалась важным этапом в развитии афинской демократии, а другими таковой не считалась. Дэй и Чэмберс не видят оснований предпочесть дату Андротийона дате Аристотеля или наоборот и оставляют вопрос о датировке закона об остракизме открытым.

Гораздо более важным был вопрос об основателе афинской демократии. Десятилетие 357—346 гг. до н. э. ознаменовалось в Афинах оживленными спорами о практике и принципах демократии. Консервативные политики и теоретики, особенно Исократ, непрестанно призывали к возвращению к «прародительской конституции» (*πάτριος πολιτεία*). Неопределенность этого термина делала его очень удобным лозунгом. Самое понятие демократии не было строго очерчено — в него могли вкладывать и действительно вкладывали разное содержание. В связи с этим и основателями афинской демократии называли разных исторических деятелей. Для одних родоначальником афинской демократии был Тесей, для других — Солон, для третьих — Клисфен; называли также Аристиду, Эфиальта, Перикла. Аристотель нашел свое решение, став на компромиссную точку зрения: Солон был основателем, а Клисфен воспитателем демократии.

Излюбленный методический прием Аристотеля, состоящий в примирении разных точек зрения, наблюдается, как говорят американские авторы, и в разделе, посвященном деятельности Писистрата. Геродот (I, 59) и Фукидид (IV, 54, 5—6) согласно свидетельствуют о том, что Писистрат не нарушал старых законов. То же говорит и Аристотель (Афинская Политика, 16), но дальше (22, 1) мы узнаем, что тирания фактически упразднила законы Солона. Во втором случае Аристотель может иметь в виду лишь время правления Писистратидов, опять-таки в согласии с Геродотом (V, 55 и 62) и Фукидидом (VI, 53,3; 54, 2), которые характеризуют время правления Гиппия после гибели Гиппарха как жестокое. Знаменательно, однако, что в рассказе о последних годах властвования Гиппия ни Геродот, ни Фукидид, ни сам Аристотель не говорят о забвении законов Солона. Отсюда выводится заключение, что Аристотель сделал добавку о фактическом аннулировании законов Солона в повествовании о временах, последовавших за падением тирании, независимо от своих источников. Эта добавка нужна была ему будто бы для того, чтобы обосновать положение о более демократическом характере клисфеновской конституции сравнительно с солоновской.

Иногда Аристотель, модифицируя факты, руководствовался более глубокими соображениями, чем желание создать согласованность. Данные источников аранжировались соответствующим образом для того, чтобы подтвердить философские доктрины автора. На эту сторону работы Аристотеля до сих пор не было вовсе обращено внимание. Единственный автор, дающий полезные указания в этом смысле, — М. М. Покровский, на работу которого ссылаются Дэй и Чэмберс¹. Они занимаются в этой связи анализом рассказа Афинской Политики о том, как Писистрат обезоружил афинян (15, 4). Геродот ничего не говорит об обезоруживании народа тираном. Фукидид приписывает эту меру Гиппию (VI, 58). Писистрату приписывает ее первым Аристотель (здесь у американских ученых есть оговорка «насколько мы узнаем», о которой они, впрочем, быстро забывают). Автор Афинской Политики выдвигает против Фукидида тот аргумент, что ношение оружия в панафинейском шествии было введено демократией позднее. Все это рассуждение нужно Аристотелю будто бы только для того, чтобы подвести базу под его рассказ об Аристогитоне, который под пыткой назвал заговорщиков; если бы Аристотель признал досто-

¹ М. P o k r o w s k y, Ueber das Verhältnis der *Ἀθηναίων πολιτεία* zu den naturwissenschaftlichen Schriften und zur Politik des Aristoteles, «Neue Jahrbücher», 151, 1895, стр. 465—476.

верность сообщения Фукидида о кинжалах под одеждой, которыми заговорщики себя выдали, то сама собой отпала бы возможность говорить о показаниях, данных Аристогином под пыткой. К этому американские авторы добавляют еще одно соображение. По теории Аристотеля, обезоруживание народа является одной из обычных мер, к которым прибегает тирания (в Политике об этом говорится дважды — V, 1311a, 12—13; 1315a, 38); это теоретическое положение возникло у Аристотеля под влиянием практики сицилийских тиранов.

Несмотря на свою внешнюю стройность, объяснение Дэй и Чэмберса менее всего может быть названо неуязвимым. Прежде всего — и это самое существенное — сообщение о пытке, которой был подвергнут Аристогон, вовсе не имеет для Аристотеля того значения, какое ему приписывается в книге американских авторов. Вспомним рассказ Аристотеля. После нападения на Гиппарха один из заговорщиков — Гармодий — был убит на месте, Аристогон же, схваченный не сразу, назван под пыткой многих знатных, бывших в дружбе с тиранами. Демократы полагали, что он обвинял этих людей с определенным умыслом, чтобы правившая семья, расправляясь со своими друзьями, вызвала против себя неудовольствие и лишилась своей опоры в афинском обществе; некоторые же (ясно, что здесь Аристотель имел в виду не демократов) думали, что Аристогон выдал действительных участников заговора. Отсюда видно, что рассказ в его двух версиях был в ходу до Аристотеля; каждая из версий отражала определенную политическую ориентацию. Все предание не вызывало к себе со стороны Аристотеля особенного интереса, он просто констатировал существование двух версий. Что же касается общей теории об обезоруживании народа как обычном приеме тираний, то и в этом пункте нельзя признать вывод американских ученых убедительным. Образ действий Писистрата не был, судя по Афинской Политике (16,2—9), типично тираническим: он правил гуманно, скорее как гражданин, чем как тиран. Иначе говоря, теория Аристотеля отнюдь не требовала, чтобы разоружение народа было произведено Писистратом, оно было скорее в духе тиранических мер последних лет правления Гиппия. Еще раз мы наблюдаем здесь результат априорного убеждения наших авторов, будто нам известны все источники Аристотеля; то, что мы не в состоянии приурочить к определенному источнику или типу источников, должно быть отнесено за счет собственных умозаключений Аристотеля. Вслед за Маканом² Дэй и Чэмберс считают внешним показателем собственных заключений Аристотеля наличие

в тексте определенных слов — γάρ, ἔθεν, ἔθεν καί, διό καί, σήμερον. Не будем подробнее повторять здесь то, о чем мы говорили в другой работе³. С нашей точки зрения, перечисленные выражения служат преимущественно для сопоставления известных фактов прошлого с фактами настоящего, они связывают порядки ранних стадий демократии с порядками демократии, окончательно оформившейся ко времени Аристотеля.

II главу своей книги (стр. 25—37) авторы посвящают доказательству воздействия философских теорий Аристотеля на его построение внутренней истории Афинского государства. В этой главе, по мысли авторов, должны быть вскрыты определенные шаблоны, положенные в основу всего построения Афинской Политики.

По мнению Аристотеля, демократия для своей прочности нуждается в многочисленности (Политика, VI, 1321a, 1—2); поэтому демагоги включают в число граждан людей сомнительного происхождения (Политика, VI, 1319b, 11—19; III, 1275b, 34—37) и т. п. Вышние классы своей доблестью, свободой и другими качествами уравнивают силу масс, заключающуюся в количестве. Вполне естественно, что и в Афинской Политике Аристотель уделяет достаточно внимания вопросу о численности гражданского населения Афин в разные эпохи. Сюда относится сообщение об уменьшении количества «порядочных» граждан в результате военных походов (26,1). Это сообщение, по мнению Дэй и Чэмберса, сфабриковано самим Аристотелем⁴. Далее упоминается закон Перикла, на основании которого количество полноправных граждан должно было сократиться (26,4). Подобного рода сведения вообще не раз встречаются в трактате Аристотеля (24,1; 25,1; 26,1; 27,1). Следует сказать, что все эти места, действительно изобличающие настороженное внимание Аристотеля к вопросу о численности гражданского населения Афин и о связи количества граждан с развитием афинской демократии, не являются неоспоримыми свидетельствами чисто теоретических установок Аристотеля в Афинской Политике и подведения фактического (или выдуманного) материала под априорные схемы. Являются ли выводы американских авторов обязательными? Не будет ли более закономерным подход к вопросу с другого конца? Факт постепенного роста городов, в частности Афин, как и

³ А. Доватур, Политика и Политики Аристотеля, М.—Л., 1965, стр. 195 сл.

⁴ Здесь наши авторы ссылаются на русскую статью: П. Виноградов, Развитие демократии в трактате Аристотеля о государстве Афинском, «Историческое обозрение», 5, 1892, стр. 156 сл.

² R. W. Macan, Ἀθηναίων πολιτεία, JHS, XII, 1891, стр. 37 сл.

факт постепенного увеличения гражданского населения, не были априорными постулатами Аристотеля. Для греков это были легко констатируемые факты, а потому, в сущности, аксиомы, многое объяснявшие в истории греческих полисов. Об увеличении гражданского населения в Аттике уже в древности говорит Фукидид: люди, изгнанные из других частей Греции во время войн и внутренних расправ, переселялись к афинянам и становились афинскими гражданами, благодаря чему полис стал многолюдным (I, 2, 10). Имея в руках два факта — увеличение гражданского населения и переход от более умеренных форм демократии к более радикальным, Аристотель мог легко сделать свой сам собой напрашивавшийся вывод о внутренней связи между этими двумя явлениями еще в то время, когда он начал собирать материал для своей Политики. Закон Перикла был бесспорным фактом. Непонятно, для чего было Аристотелю в один ряд с таким фактом ставить другие, будто бы им выдуманные. Общие положения Аристотеля в Политике складывались не априорно, а в процессе изучения конкретной действительности. Данные внутренней истории Афинского государства сами служили (наряду с данными из истории других полисов) фундаментом для этих общих положений. О постепенном увеличении числа афинских граждан свидетельствовали не статистические документы (Дэй и Чэмберс настойчиво повторяют, что статистики древние Афины не знали), а наглядный, ясный для всех рост города Афин и данные о деятельности отдельных государственных мужей.

III глава носит название «Аристотелевские объяснения» (стр. 38—65). По словам самих авторов, задача этой главы — «обратить внимание на некоторые типичные для Аристотеля способы объяснения вещей и событий». Сразу же авторы предупреждают читателя о том, что в свою политическую философию Аристотель вносит не только соображения этического порядка, но и методы своих физических спекуляций и что самый способ его выражения, даже тогда, когда он кажется «эмпирическим, описательным и этически нейтральным», в действительности является оценивающим и нормативным, неся на себе печать этических убеждений и физических теорий. Для Аристотеля государство существует в силу особенностей самой человеческой природы; в связи с этим он в Политике при рассмотрении элементов, из которых состоит государство, широко пользуется биологическими терминами (книги IV—VI). Подробному разбору подвергаются случаи употребления Аристотелем слова *κοινωνία* в Политике, Афинской Политии и других сочинениях философа (стр. 43—50). Телеологическим принципом Аристотель руководствовался не только в своей

биологии и физике, но и в государствоведении и истории. Он не переносит механически биологические методы на изучение человеческого общества, но считает их вполне применимыми и к этой области знания. В Политике мы находим классификацию политических форм (IV—VI). Одна из них — демократия — имеет четыре разновидности (IV, 1291b, 30 сл.; VI, 1318b, 6 сл.). Авторы разбираемой книги ставят вопрос о реальности схемы Аристотеля. Нужно еще доказать, что первая, наилучшая по Аристотелю, форма демократии, древнейшая, чисто аграрная, вообще существовала. Оценочный момент, введенный в классификацию, сказался в самой социальной терминологии Аристотеля: богатые, порядочные (*οἱ ἐπίτελες*), благородные, состоятельные, народ, масса, неблагополучные, лишенные средств (*ἀποροί*). Суждения, содержащие оценивающие термины, никогда не могут быть объективными.

Американские авторы упускают из виду одно важное обстоятельство: все эти термины не придуманы Аристотелем, они бытовали в языке, соответствовали явлениям социальной жизни; то или иное отношение к носителям определенных социальных наименований не меняет значения этих терминов, относящихся к вполне реальным социальным группам. Если среди обозначений, употребляемых Аристотелем, встречаются такие, как *οἱ ἄριστοι*, *οἱ βέλτιστοι*, то и они в свое время были общераспространенными и в эпоху Аристотеля не совсем утратили свой реальный смысл.

В трех следующих главах дается детальный анализ тех фаз в развитии афинской демократии, какие выделяет Аристотель в своей Афинской Политике. В этих главах американские ученые показывают соответствие трактовок Аристотелем отдельных этапов истории афинской демократии в Афинской Политике его общим теоретическим соображениям о разновидностях демократии, изложенным в Политике. Опираясь известными нам источниками и догадками относительно некоторых утраченных (но легко представляемых) источников, Дэй и Чэмберс считают себя вправе утверждать, что Аристотель во многих случаях прибегал к комбинациям, заключениям от известного к неизвестному, подсказанным ему его теоретическими предпосылками. Особенно часто, полагают они, пользовался Аристотель такой методикой в изложении истории Солона, которому он приписал создание особой конституции и которого тем самым признал (вслед за Клидемом) родоначальником афинской демократии, основателем первого («наилучшего») ее вида. В распоряжении Аристотеля были некоторые законы и, что особенно важно, стихотворения самого поэта-реформатора. Подлинные стихо-

творения Солона предостерегли автора Афинской Политии от доверия к необоснованным построениям Андриотона, не желавшего допустить полной отмены долговых обязательств Солоном и связывавшего списание с денежной реформой, в результате которой должники получили облегчение при выплате задолженных ими сумм.

О Клисфене, с которого, судя по Афинской Политии, начинается новый этап в развитии афинской демократии, Аристотель имел очень скудные сведения. Известные нам предшествующие Аристотелю свидетельства (Дэй и Чэмберс думают, что других, не известных нам, не было) не содержат сравнительной оценки конституции Солона и конституции Клисфена с точки зрения большей демократичности той или другой. Называя вторую более демократичной, Аристотель, вероятно, имел в виду новую формулу присяги булевтов и выборы стратегов по филам. Аристотель, правда, говорит о новых законах, установленных Клисфеном, и выделяет закон об остракизме, но, как полагают Дэй и Чэмберс, законов Клисфена он не изучал и не мог найти более или менее детальный анализ их у Андриотона, который едва ли викинал в сущность реформы Клисфена. Ни организация магистратур, ни их функции, ни способ избрания, ни функции совета, о чем сам Аристотель не имел никаких сведений, не могли дать ему повод сделать заключение о том, что при Клисфене «государственный строй стал более демократичным, чем был при Солоне» (Афинская Полития, 22, 1). Такой вывод мог быть сделан только на основании нового деления афинян по филам и значительного увеличения в связи с этим количества граждан за счет приема в филы части негражданского населения Атики. Аристотель применил здесь опять свою теорию о соответствии между количеством гражданского населения и степенью демократизации государственного строя. Геродот и другие известные нам источники не говорят о каком-либо даровании Клисфеном гражданских прав неполноправным жителям страны. Правда, об этом говорится в Политике Аристотеля (VI, 1319b, 19—27), но Дэй и Чэмберс не склонны серьезно относиться к этому показанию. Еще раз мы встречаемся с явной натяжкой американских авторов, которым нужно во что бы то ни стало отыскать следы собственных комбинаций Аристотеля, граничащих с произвольными выдумками. Непредубежденный читатель Политики легко убеждается в том, что многочисленные примеры, приводимые Аристотелем в этом трактате, исключали всякую мысль о собственном творчестве Аристотеля. Действительно, Аристотелю нужен фактический материал для подтверждения его теоретических положений. Создание примеров *ad hoc* было бы

верхом нелепости. Сообщение о деятельности Клисфена поставлено рядом с другим сообщением — об аналогичных мерах, проведенных основателями демократии в Кирене в связи с новым делением на филы около середины V в. Очень трудно представить себе, чтобы Аристотель решился сопоставить с известными фактами сравнительно близкого прошлого из истории Кирены результат своих собственных домыслов. В поисках опорных точек для своего априорного мнения, сводящегося к дискредитации исторических показаний Аристотеля, американские авторы не останавливаются перед лишением всякого правдоподобия намерением, будто бы Аристотель создает исторические факты в духе определенной теории, чтобы затем этими фактами подкреплять эту теорию, тем самым давая нам яркий пример *circulus vitiosus*.

Если конституция Клисфена соответствовала тому, что Аристотель называет в Политике второй (по времени и достоинству) формой демократии, то строй, при котором преобладающую роль в государстве играл ареопаг, рассуждают Дэй и Чэмберс, должен был в сознании Аристотеля воплощать в себе третий вид демократии. Единственный факт, на который опирался Аристотель при выделении этого особого периода в истории афинской демократии, была реформа 462/1 г., произведенная Эфиальтом. После этого начался период радикальной демократии. С другой стороны, период с 480 по 462/1 гг. нельзя было характеризовать как простое продолжение действия конституции Клисфена, так как не было никаких данных в пользу признания главенства ареопага при Клисфене и непосредственно после него. Дату для начала периода преобладания ареопага Аристотель установил сам — 480 г., когда, как думал Клидем, ареопаг доставил деньги для раздачи воинам перед посадкой на корабли. Аристотель рассказывает, что ареопаг возвысился не в силу какого-либо специального постановления, а в результате повышения своего авторитета (Афинская Полития, 23, 1). В этом объяснении Дэй и Чэмберс видят антиципирующий ответ автора на естественно возникающий у читателя вопрос. О деятельности ареопага Аристотель никаких сведений не дает, зато он рассказывает о мерах Аристиды, которые, не изменяя существенно характера исторического периода, создавали предпосылки для перехода Афинского государства в следующую стадию его существования (Афинская Полития, 24).

Итак, строй с ареопагом во главе не имеет, по мнению американских ученых, никакого исторического значения, это фикция, созданная Аристотелем с целью заполнить брешь между временем действия конституции Клисфена и эпохой радикальной демократии второй половины

У и всего IV в. Суждения ораторов IV в. об ареопаге указывают на высокую репутацию этого учреждения не только как судилища по делам об убийстве, ранении, отравлении и нечестии, но и как опоры безопасности государства и стабильности существующего порядка (стр. 126—128). Все это объясняет нам, почему Аристотель выдвигает ареопак в качестве препятствия на пути к полной демократизации афинского государственного строя. В книге высказывается мысль, что слишком расплывчатые сообщения Аристотеля о времени правления ареопага не позволяют думать, что источником Аристотеля была Аттида Андротииона. Возможно, что престиж ареопага действительно повысился после 487/6 г., т. е. с тех пор, как стали замещать должности архонтов по жребию, но картина, нарисованная Аристотелем, не становится от этого более правдоподобной. Даже незначительный интерес Аристотеля к истории афинской стратегии Дэй и Чэмберс объясняют тем, что история этой должности, которая имела, как известно, большой вес во внутренней истории Афин, ослабила бы применение к афинской истории теоретического положения о все возрастающем влиянии народной массы и — соответственно — о постепенной демократизации государственного строя Афин. В непрекращающемся споре об историчности периода главенства ареопага американские ученые занимают резко отрицательную позицию.

Четвертый и, по Аристотелю, наихудший вид демократии устанавливается в Афинах в 462/1 г. после падения ареопага. Авторы разбираемой книги выражают уверенность в том, что до Аристотеля никто не признавал этот год резкой гранью в истории Афинского государства; читатель Фукидида ясно видит, что для историка Пелопоннесской войны решительный поворот в истории афинской демократии наступил в 429 г. со смертью Перикла. Отличительные черты четвертого вида демократии, отмеченные Аристотелем в Политике (IV, 1292a, 4—38): решающую роль в жизни государства играют не законы, а постановления народного собрания (псефизмы); народ, находящийся под влиянием демагогов, ставит под свой контроль все действия должностных лиц, лишая их всякого значения. Авторы книги стремятся показать несоответствие представлений Аристотеля действительному положению вещей — псефизмы и законы, говорят они, не всегда четко различались между собой, так что единственным реальным обстоятельством, на которое мог опереться Аристотель, было увеличение числа псефизм; кроме того, замечают они, Аристотель не приводит ни одного случая, когда должностное лицо отчитывалось бы перед народным судом, хотя именно такие примеры оправдали бы его тезис о полном подчи-

нении магистратов народу. Американские авторы хотели бы иметь критерий, который позволил бы отличать демагогов второй половины V и IV в. от простатов народа, известных в Афинах с очень раннего времени. Даже социальное происхождение демагогов не оказывается отличительным их признаком, так как в Афинской Политике (28, 1) сказано, что в прежние времена (включая время Перикла) демагогами были люди «порядочные», под которыми, как показывает перечень имен, разумеются представители высших слоев афинского общества. Анализируя еще два места из Политики, где Аристотель дает характеристику четвертого вида демократии (IV, 1292b, 41—1293a, 10; VI, 1319b, 1—32), Дэй и Чэмберс отказываются видеть в реальной политической жизни Афин соответствие теоретическим положениям Аристотеля. Согласно Афинской Политике, Перикл сначала проводит некоторые антидемократические меры (26, 3—4), затем берет другой политический курс, так что изображение деятельности Перикла (27) является уже в полной мере картиной демократии на четвертом этапе ее развития. В сообщениях Аристотеля о дальнейшем ходе внутренней истории Афин (в частности — в характеристике Ферамена) Дэй и Чэмберс не хотят видеть влияние политических памфлетов; Аристотель мог совсем не зависеть от тенденциозной политической литературы (стр. 147 сл.). Для Аристотеля последний, современный ему период в жизни афинской демократии был временем отклонения от социальных и моральных норм, определявших хорошие или удовлетворительные формы правления. Конкретного материала, который оправдывал бы выделение такой разновидности демократической формы правления, у Аристотеля не было. Этот вид демократии, если следовать Аристотелю, обнаруживается благодаря слухам и анекдотам, не всегда даже прикрепленным к определенным датам. Интересной, со своей точки зрения, считают американские авторы трактовку Аристотелем попыток установления олигархии в 411 и 404 гг. По их мнению, Аристотель и здесь применяет, хотя и в смягченном виде, свою предложенную им в Политике (V, 1304b, 7—15) теорию, согласно которой во время государственных переворотов действуют либо насилием, либо обманом, либо тем и другим вместе. В соответствующем месте Политики приводится один пример, и этим примером оказывается именно афинский переворот 411 г. Казалось бы, именно это обстоятельство должно было натолкнуть авторов книги на противоположную мысль: Аристотель строит свои теории на основании исторических фактов; теоретический вывод был подсказан Аристотелю историческими данными об образе действия олигархов 411 г., а не предоп-

ределит собой рассказа о событиях 441 г. с его конкретными сообщениями.

Последняя, VII глава («Афинская Политика и историк») представляет собой в сущности резюме всей книги. Лейтмотив этой главы — мысль о том, что Аристотель, построив («путем какого-то не описанного им для нас процесса» — стр. 189) свою теорию о четырех видах демократии, положил ее в основу своего изложения истории афинской демократии; отсюда следует, что даваемая Афинской Политикой история внутреннего развития Афинского государства оказывается продуктом применения теоретической схемы к конкретному историческому материалу.

Читатель, не увлекающийся сенсационными выводами, все же может признать за американскими авторами способность к тонким наблюдениям и интересным постановкам вопросов (в сущности вся книга отвечает на остро поставленный вопрос — к каким выводам привела бы нас

уверенность в том, что мы обладаем исчерпывающими сведениями о доаристотелевской исторической и политической литературе), что, однако, не придает убедительности их построению в целом. Две априорные мысли, доминирующие над этим построением, заслоняют от авторов реальное положение дел: 1) произвольный постулат, будто у Аристотеля не могло быть не известных нам и не поддающихся точному определению источников; 2) превратное представление о соотношении между теоретическими положениями Аристотеля в Политике и изложением исторических фактов в Афинской Политике, причем теория будто бы складывалась в уме философа до изучения им действительности и служила той почвой, на которой вырастали его представления о конкретной истории.

А. И. Доватур

A. M. RADMILLI, *La preistoria d'Italia alla luce delle ultime scoperte*. Istituto geografico militare, Firenze, 1963, 364 стр.

Работа А. М. Радмилли «Доистория Италии в свете последних открытий» носит характер информационного издания — в ней систематизированы и обобщены результаты многих археологических исследований последнего двадцатилетия, по-новому освещающие историю доримской Италии¹.

Большое внимание автор уделил вопросам изучения палеолита. Благодаря интенсивным раскопкам, проведенным итальянскими археологами в последнее время, Апеннинский полуостров более не является белым пятном на карте палеолитической Европы. В частности, установлено, что первые люди проникли в Италию в межледниковый период Миндель — Рисс. В северной части страны обнаружены многочисленные остатки материальной культуры кроманьонцев, обитавших здесь в верхнем палеолите. Около 18 тыс. лет назад на полуостров пришли охотники культуры Граветти (Грималь-

ди). Очень интересные наскальные рисунки этого периода открыты в сицилийских пещерах Черви, Нишери и Аддаура.

Неолит Италии делится на три фазы: нижнюю, среднюю и верхнюю. В Абруцце, Апулии, Калабрии, Лукании и Сицилии распространилась земледельческая культура тисненой керамики сироканолийского происхождения, вплетающаяся в средиземноморский субстрат мезолитической традиции, утвердившийся в Италии в V тыс. до н. э. Люди этой культуры жили в круглых хижинах диаметром до 3 м, составлявших небольшие поселения (Пунто Пенна, Спадавекья, Мольфетта и др.). В Апулии и Абруцце наблюдается контакт культуры тисненой керамики с культурами расписной, нарезной и гравированой керамики. Южноиталийская неолитическая культура расписной керамики прошла следующую эволюцию: наиболее архаические типы — светлые, с красными полосами и линиями (поселения Матеры); для последующего времени характерны сосуды с коричневыми полосами так называемого стиля Капри; завершается эта культура стилями Серра д'Альто и Скалория, в которых наиболее употребительными орнаментальными мотивами стали меандр и спирали. Как реакция на изощренную орнаментацию этих стилей в конце культуры расписной керамики возникла простая керамика стиля Дианы, с которой кончается верхний неолит Южной Ита-

¹ Содержание рецензируемой книги излагается по возможности подробнее, так как в советской историографии вопросы доистории Италии разработаны пока еще очень слабо. Работы А. И. Немировского, посвященные данной теме («Племена Италии во II тыс. до н. э.», ВДИ, 1957, № 4, стр. 102—124; «История раннего Рима и Италии», Воронеж, 1962, стр. 47—124), основаны преимущественно на материале довоенного времени.